

НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА

К.Е. Троицкий

В поисках этики миграции. Дискуссия о государственных границах: основные теоретические позиции и аргументы

Константин Евгеньевич Троицкий – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: konztant@inbox.ru

Поиск этических принципов миграционной политики стоит на повестке дня во многих странах. На международном и национальном политическом уровне разворачиваются бурные споры о природе и последствиях текущих миграционных изменений, границах ответственности, а также о том, кому следует, а кому не следует разрешать въезд в страну. Обычно такие обсуждения насыщены этической терминологией и ведутся с пафосом защиты моральных ценностей. Наряду с этим обсуждение тем, связанных с миграцией, находит отражение в увеличивающемся количестве академических публикаций ученых целого ряда дисциплин – от антропологии и психологии до социологии и экономики. Все более широкий спектр вопросов рассматривается в англоязычной философской литературе с акцентом именно на этической проблематике. Но в русскоязычной исследовательской литературе по этике тема миграции почти полностью отсутствует. В предлагаемой статье будет предпринята попытка хотя бы отчасти восполнить существующий пробел и представить авторское введение в этические вопросы, которые часто ассоциируются с миграцией. Акцент при этом будет сделан на критическом рассмотрении ведущегося в англоязычной академической литературе споре о наличии или отсутствии морального права у государства осуществлять суверенный миграционный контроль.

Ключевые слова: этика, космополитизм, миграционный контроль, открытые границы, этика иммиграции, миграционная политика, беженцы

Ситуация

Размышления о критериях принадлежности к политическому сообществу, колонизациях, путешествиях и изгнаниях встречаются уже у античных авторов, среди которых Демокрит, Платон, Аристотель, Цицерон, Сенека. Но базовые принципы современной системы международных отношений и политических идей, задавших координаты для дискуссии о миграционных вопросах, были сформулированы в Новое время. Ряд мыслителей той эпохи, внесшие в это развитие наибольший вклад, например, Гуго Гроций, Франсиско де Витория, Эмер де Ваттель¹, Томас

¹ О взглядах на миграционные вопросы Гроция, Витория, Ваттеля см.: *McAdam J. Intellectual History of Freedom of Movement in International Law: The Right to Leave as a Personal Liberty // Melbourne Journal of International Law. 2011. Vol. 12. P. 27–56.*

Гоббс, Джон Локк, Джон Стюарт Милль не обходили стороной вопросы, связанные с миграционным контролем и обязательствами по отношению к беженцам и мигрантам. Но делали они это скорее аргорос² и за их построениями можно лишь угадывать возможные черты миграционной политики, которая была бы для них морально обоснованной. Особый интерес у современных философов в области этики и политической философии, занимающихся темой миграции, вызывают взгляды Иммануила Канта и Генри Сиджвика. Канта, из-за того что он единственный из мыслителей Нового времени, кто, указывая с философской глубиной на недостатки международной системы, выстроенной вокруг суверенного национального государства, задал при этом продуманную космополитическую перспективу³. Сиджвика, наоборот, из-за аргументации, которая созвучна положениям многих современных защитников права государства на миграционный контроль⁴.

Резкий рост англоязычных публикаций по этическим вопросам, связанных с миграционными процессами, совпал с выделением в самостоятельное направление практической (прикладной) этики в 80-ые годы прошлого века. Непосредственно начало современного этапа обсуждения можно приурочить к выходу сборника «Границы: национальная автономия и ее пределы» под редакцией Питера Брауна (Peter Brown) и Генри Шу (Henry Shue) в 1981 г. Первой в сборнике была представлена статья Майкла Уолцера «Распределение членства в сообществе»⁵, которая вместе с повторяющей ее второй главой книги «Сферы справедливости», вызвала и продолжает вызывать широкий резонанс. Важную роль в развитии дискуссии сыграл один из наиболее авторитетных журналов об этике с одноименным названием «Ethics». В 1980-е годы там были напечатаны сразу несколько тематических статей, посвященных миграции⁶. С годами число публикаций и затрагиваемых аспектов только росло и постепенно все больше авторов стали обозначать спектр этических вопросов, связанных с миграцией, а также предлагаемые на них ответы, понятием «этика иммиграции» (the ethics of immigration)⁷.

² Краткое изложение предыстории см.: *Bader V. The Ethics of Immigration // Constellations. 2005. Vol. 12. P. 333–336.*

³ Одну из наиболее известных современных попыток развития идей Канта в приложении к миграционным вопросам см.: *Benhabib S. The Rights of Others. Aliens, Residents, and Citizens. Oxford, 2004.*

⁴ Например, к идеям Сиджвика неоднократно апеллирует такой известный защитник миграционного контроля и критик идеи космополитического общества, как Дэвид Миллер (*Miller D. On Nationality. Oxford, 1995.*).

⁵ См.: *Boundaries: National Autonomy and Its Limits / Eds. by G.P. Brown, H. Shue. New Jersey, 1981.*

⁶ См.: *King T. Immigration from Developing Countries: Some Philosophical Issues // Ethics. 1983. Vol. 93. No. 3. P. 525–536; Shakhove A.E. Who Is a Refugee? // Ethics. 1985. Vol. 95. No. 2. P. 274–284; Miller D. The Ethical Significance of Nationality // Ethics. 1988. Vol. 98. No. 4. P. 647–662; Goodin R.E. What is So Special about Our Fellow Countrymen? // Ibid. P. 663–686.*

⁷ Одним из первых словосочетание «этика иммиграции» употребил Джеймс Хадсон (James Hudson), введя его в название своей статьи «Этика иммиграционного ограничения», хотя на самом деле статья содержит критику подобных ограничений (*Hudson J.L. The Ethics of Immigration Restriction // Social Theory and Practice. 1984. Vol. 10. No. 2. P. 201–239*). Постепенно все больше авторов с разными теоретическими позициями стали использовать это словосочетание в название своих работ, обозначая этим область в практической этике, в которой рассматриваются вопросы, связанные с миграцией (*O'Neill W.R., Spohn W.C. Rights of Passage: The Ethics of Immigration and Refugee Policy // Theological Studies. 1998. Vol. 59. No. 1. P. 84–106; Bader V. The Ethics of Immigration // Constellations. 2005. Vol. 12. P. 331–361; Seglow J.*

В российской этической мысли до сих пор интерес к теме миграции почти никак не проявлялся. Политическая дискуссия в России на первый взгляд присутствует, но если прислушаться, то она почти всегда сводится не к вопросу об оправданности или нет суверенного государственного миграционного контроля, а к обсуждению еще большего ужесточения миграционной политики и усиления контроля за миграцией. Например, в этой дискуссии часто обсуждается то, как взыскать больше налогов или как эффективнее выявлять и штрафовать тех, кого даже некоторые высокопоставленные чиновники называют пренебрежительным словом «нелегалы». Суверенное и неограниченное право государства на миграционный контроль при этом под вопрос не ставится, а слово космополитизм, если и используется, то обычно как ругательное. Политическое представительство интересов трудовых мигрантов в России практически отсутствует.

Не лучше ситуация обстоит с институтом убежища в России. В то время как в англоязычной исследовательской литературе ведется активное обсуждение вопросов относительно обязательств по отношению к беженцам⁸, а также дискутируется наиболее подходящее и с этической точки зрения верное определение для понятия «беженец», в русскоязычных публикациях по этике такая дискуссия полностью отсутствует. Нет и широкого общественного и политического обсуждения серьезнейших дефектов, сложившейся в России системы убежища. Прием беженцев, когда он не отрицается в принципе, обычно понимается как акт благотворительности, а не обязательство государства. Использование критериев национальности, политической «благонадежности», культурной близости при определении, кого впускать, а кого выдворять, часто даже не скрывается политиками и представителями миграционных служб. В то же время российская государственная пропаганда тратит значительное время на представление ситуации с беженцами в Европе как бедствия, острого кризиса, а самих беженцев преимущественно изображает в неприглядном свете, пытаясь с помощью различных манипуляций внедрить в сознание потребителей этой пропаганды ассоциацию между словами «беженец» и «мошенник».

Все это сказывается на текущем плачевном положении института убежища в Российской Федерации. Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2018 г. на учете государственной миграционной службы состояло всего 592 человека, которые обладали официальным статусом «беженец», а за весь 2017 год статус беженца в России получило всего 33 чело-

The Ethics of Immigration // *Political Studies Review*. 2005. Vol. 3. P. 317–334; *Pevnick R.* Social Trust and the Ethics of Immigration Policy // *The Journal of Political Philosophy*. 2009. Vol. 17. No. 2. P. 146–167). Импульс к дальнейшему распространению этого понятия дала книга, в которой был представлен спор между представителями двух полярных взглядов на моральное право или отсутствие одного у государства контролировать свои границы (*Wellman H.C., Cole P.* *Debating the Ethics of Immigration. Is there a Right to exclude?* Oxford, 2011, а также книга Джозефа Каренса (Joseph Carens) с одноименным названием, быстро ставшая классической и представившая систематическое изложение всех основных тем, входящих в «этику иммиграции» (*Carens J.H.* *The Ethics of Immigration*. Oxford, 2013).

⁸ Вопрос об обязательствах к беженцам рассматривает уже Уолцер (*Walzer M.* *Spheres of Justice*. N. Y., 1983. P. 48–51; вопрос об определении понятия «беженец» в свете практической этики одним из первых ставит Шекнов (*Shaknove A.E.* *Who Is a Refugee?* // *Ethics*. 1985. Vol. 95. No. 2. P. 274–284). Среди прочих большой вклад в этические вопросы, связанные с институтом убежища, внесли следующие работы: *Dummett M.* *On Immigration and Refugees*. L., 2001 и *Gibney M.J.* *The Ethics and Politics of Asylum. Liberal Democracy and the Response to Refugees*. Oxford, 2004.

века. Дополнительным гуманитарным статусом «временное убежище» обладали 125442 человека, 98,4 % из них – граждане Украины, решение о выдаче статуса которым было принято в 2014 году на самом высоком уровне. Таким образом, на 1 января 2018 г. в России насчитывалось лишь 2008 обладателей статуса «временное убежище» из всех стран, не считая Украины. При этом именно статус «беженец» наиболее полно соотносится с ратифицированной Российской Федерацией Конвенцией ООН «О статусе беженцев», то есть возлагает на государственные институты всю полноту ответственности. Присваивая статус временного убежища, государство не берет на себя ряд обязательств, при этом налагая требование продления статуса не реже одного раза в год. Последнее само по себе является сложной процедурой, а в миграционном ведомстве часто склоны отказывать в продлении статуса без какого-либо разумного основания. Само миграционное ведомство в апреле 2016 г. вновь было сделано одним из отделов Министерства внутренних дел, что обозначило превалирование ограничивающего, силового и репрессивного подхода к решению миграционных вопросов в России.

В целом складывается впечатление, что серьезно вопрос о текущем государственном подходе к трудовой миграции и институту убежища в России большинством российских политиков, экспертов и обычных граждан не ставится под сомнение. Как само собой разумеющееся принимается суверенное, даже произвольное право государства в отношении трудовых мигрантов и беженцев. Это отчасти, видимо, объясняет отсутствие внимания к дискуссии об этических вопросах, связанных с миграцией, которые уже несколько десятилетий активно обсуждаются в академической среде многих зарубежных стран. Без какой-либо претензии даже на относительную полноту статья содержит рассмотрение некоторых дискутируемых в англоязычной литературе тем, а также критику попыток вывести и обосновать моральное право государства на суверенный миграционный контроль.

Теоретические позиции

Как это часто бывает при обсуждении этических вопросов, в философской дискуссии о миграции существуют две позиции, задающие ценностные координаты. Их можно обозначить как 1) отстаивание полного суверенитета государства (политического сообщества) в вопросах миграционной политики и 2) утверждение морального права каждого человека на свободу передвижения вне зависимости от государственных границ. Приверженность к одной из двух позиций определяет ответы и линии аргументации на основные дискуссионные темы: от вопросов, связанных с институтом гражданства до оценок современных миграционных правил. Опять же, как во многих иных дискуссиях на этические темы, мало исследователей располагается прямо на одном из полюсов. Чаще позиции лишь ориентируются на один полюс более чем на другой.

Так, Уолцер, отстаивая суверенное право государства⁹ на миграционный контроль, в то же время утверждает неоправданность дискриминации по признаку национальности или религии, особенно если такая дискриминация проводится

⁹ Уолцер предпочитает говорить не о государстве, а о политическом сообществе, но по сути речь идет именно о суверенном праве государства.

государством с территорией, превышающей нужды сообщества¹⁰. Он же защищает запрет на выдворение коренных жителей¹¹, пишет о долге по приему беженцев¹². Райан Певник (Ryan Pevnick), критикуя идею открытых границ и высказываясь за оправданность миграционного контроля, в то же время называет свою книгу «Иммиграция и ограничения справедливости: между открытыми границами и абсолютным суверенитетом»¹³, пытаясь в ней сформулировать принципы, ведущие к соблюдению баланса между двумя, как он считает, крайностями.

Джозеф Каренс (Joseph Carens), наоборот, подвергая серьезному сомнению институт государственного миграционного контроля, считает, что в некоторых экстремальных ситуациях (поддержание общественного порядка и национальной безопасности, а также в качестве противодействия крушению либеральных институтов) закрытие границ может быть морально оправдано¹⁴. Другой сторонник идеи открытых границ, Майкл Даммит (Michael Dummett), пишет: «Из сегодняшней ситуации следует, что принцип открытых границ должен быть принят в качестве нормы, отклонение от которой может быть оправдано только в исключительных обстоятельствах»¹⁵. Сам он признает только два таких обстоятельства: реальная угроза резкого поглощения одного народа другим и перенаселение. При этом как Каренс, так и Даммит предостерегают от злоупотребления и широкого толкования исключительных обстоятельств, а также от пользования этими допущениями для оправдания существующих ограничительных мер.

Помимо различия по принципу отстаивания суверенного права на миграционный контроль или ценности открытых границ, позиции исследователей, следуя классификации Файта Бадера (Veit Bader), можно разделить на две большие группы: универсалистские и партикуляристские. Первая группа исходит из признания равной моральной ценности каждого индивида вне зависимости от его гражданской принадлежности, а вторая основывается на убеждении в приоритете обязательств к согражданам над обязательствами к представителям других государств или политических сообществ. Среди универсалистских позиций, согласно Бадеру, можно выделить 1) консеквенциалистские, 2) деонтологические, 3) ориентированные на добродетели. Партикуляристские позиции Бадер четко не различает, а лишь отмечает диапазон от либерал-национализма и коммунитаризма до шовинистского национализма и «эксклюзивного патриотизма»¹⁶.

Райнер Баубек (Rainer Bauböck) выделяет три основных, существующих в исследовательской литературе, ценностных перспективы рассмотрения этических вопросов, связанных с миграцией:

– на справедливость, когда открытие или закрытие границ предполагается в качестве способа уравнивания жизненных шансов и более честного распределения имеющихся благ в неидеальном мире;

¹⁰ См.: *Walzer M.* Spheres of Justice. P. 42–46.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. 48–51.

¹³ См.: *Pevnick R.* Immigration and the Constraints of Justice. Between Open Borders and Absolute Sovereignty. Cambr., 2011.

¹⁴ *Carens J.H.* Aliens and Citizens: The Case for Open Borders // *The Review of Politics.* 1987. Vol. 49. No. 2. P. 260.

¹⁵ *Dummett M.* On Immigration and Refugees. P. 73.

¹⁶ *Bader V.* The Ethics of Immigration // *Constellations.* 2005. Vol. 12. P. 335.

– на свободу, когда идеал открытых границ принимается как самостоятельная ценность;

– на демократию, где мера открытия или закрытия границ определяется политическим сообществом, а ценностью выступает право на самоопределение¹⁷.

Помимо перечисленных классификаций существует и ряд других, выстраиваемых в зависимости от формальных и содержательных признаков. Например, в исследовательской литературе фигурируют разграничения по таким основаниям, как национализм и космополитизм¹⁸, этатизм, идеал открытых границ и позиция общей идентичности¹⁹, деонтологический и конвенционалистский подходы²⁰, конвенционализм, неидеальные подходы и позиция открытых границ²¹. В зависимости от взглядов авторов вводятся такие направления, как либеральный национализм²² или римско-католическая социальная мысль²³.

В числе аргументов в защиту права государства контролировать миграцию используется апелляция к таким идеям, как культурная и национальная идентичность, благосостояние и безопасность сограждан, право на свободу собраний, национальное самоопределение, ценность членства в группе и гражданства. Следует сразу отметить, что те, кто пытается обнаружить моральное право государственных институтов контролировать миграцию, обычно предпочитают говорить о политическом сообществе, культурной общности или нации, хотя в конечном итоге в таких построениях почти всегда государство оказывается единственным полномочным выразителем этих образований.

Бадер критически рассматривает пять линий аргументации защитников миграционного контроля, базисными основаниями для которых служат следующие утверждения: 1) приоритет должен быть отдан согражданам, 2) основные гражданские и 3) политические права могут быть гарантированы только через суверенный контроль государством своих границ, 4) социальные права и распределение благ необходимо охранять, 5) национальная культура должна быть защищена²⁴.

Джон Исбистер (John Isbister) выделяет шесть популярных, имеющих общие черты с аргументами Бадера, утверждений против открытых границ и в защиту миграционного контроля. Каждое из них он сопровождает кратким критическим замечанием, отмечая, что с этической точки зрения, отчасти оправдано только последнее утверждение:

1) «Иммигранты претендуют на богатство, которое принадлежит не им, а гражданам этой страны». В ответ на это исследователь выражает сомнение в правомерности выведения некоего коллективного собственника, совпадающего с государством, а также в том, что нынешнее поколение людей может

¹⁷ См.: *Bauböck R.* Global Justice, Freedom of Movement and Democratic Citizenship // *European Journal of Sociology.* 2009. Vol. 50. No. 1. P. 1–31.

¹⁸ См.: *Higgins P.W.* Immigration Justice. Edinburgh, 2013.

¹⁹ См.: *Pevnick R.* Immigration and the Constraints of Justice.

²⁰ См.: *Schuck P.H.* The Morality of Immigration Policy // *San Diego Law Review.* 2008. Vol. 45. No. 4. P. 865–898.

²¹ См.: *Wilcox S.* The Open Borders Debate on Immigration // *Philosophy Compass.* 2009. Vol. 4. No. 5. P. 813–821.

²² См., например: *Tamir Y.* Liberal Nationalism. New Jersey, 1993.

²³ См., например: *O'Neill W.R. and W.C. Spohn.* Rights of Passage: The Ethics of Immigration and Refugee Policy // *Theological Studies.* 1998. Vol. 59. No. 1. P. 84–106.

²⁴ *Bader V.* The Ethics of Immigration // *Constellations.* 2005. Vol. 12. P. 344.

считаться тем, кто оправданно претендует на единоличное владение благами страны наподобие того, как наследник имеет право на получение имущества своих родителей;

2) «Иммиграция ведет к разрушению политических ценностей в принимающем сообществе». Исбистер указывает на то, что это утверждение неочевидно, а политические ценности, если имеются в виду демократические права и свободы, могут подвергаться гораздо более серьезным опасностям со стороны собственных граждан;

3) «Существуют другие, более эффективные пути помощи бедным странам». Исбистер замечает, что это не снимает ответственности за помощь в виде приема мигрантов;

4) «Граждане имеют специальные и приоритетные обязательства по отношению к согражданам». Исбистер полагает, что при всей очевидной моральной значимости личных отношений обязательства, например, к членам семьи не поддаются прямому перенесению на отношения к крупным политическим институтам и сообществам;

5) «У человека нет обязательств становиться героем и идти на значимые изменения ради мигрантов». Исбистер считает, что такой аргумент не может считаться убедительным, так как он применим к любой попытке сохранения несправедливых и аморальных привилегий, например, рабства или крепостного права;

6) «Миграционный контроль защищает обездоленных и малоимущих в принимающей стране». Исбистер отмечает частичную обоснованность такого утверждения, но полагает, что из этого следует не столько обоснованность ограничений, сколько необходимость поиска компромисса. В то же время он говорит о недопустимости решать задачу по улучшению жизни малоимущих сограждан за счет часто еще более нуждающихся мигрантов²⁵.

Эти и подобные аргументы в защиту миграционного контроля также подвергаются критике, часто более детальной, многими другими авторами, среди которых, кроме уже упомянутых Каренса и Даммита, следует выделить Джеймса Хадсона (James Hudson)²⁶, Роберта Гудина (Robert Goodin)²⁷, Филиппа Коула (Phillip Cole)²⁸ и Питера Хиггинса (Peter Higgins)²⁹. Необходимо еще упомянуть, что когда речь идет о миграционном контроле, то даже его сторонники признают моральную необоснованность за исключением форс-мажорных ситуаций его применения внутри страны между различными областями или регионами, а также эмиграционного контроля. Поэтому, когда речь идет о субъекте миграционного контроля, то под ним обычно понимается мигрант (иммигрант) из другой страны.

Здесь нет возможности даже кратко осветить все основные аспекты миграции, интересные с этической точки зрения, а также дискуссии вокруг них. Ниже в статье будут рассмотрены лишь следующие темы: 1) использование аналогий,

²⁵ *Isbister J.* Are Immigration Controls Ethical? // *Social Justice*. 1996. Vol. 23. No. 3(65). P. 54–67.

²⁶ См.: *Hudson J.L.* The Ethics of Immigration Restriction // *Social Theory and Practice*. 1984. Vol. 10. No. 2. P. 201–239; *Hudson J.L.* Philosophy of Immigration // *The Journal of Libertarian Studies*. 1986. Vol. 8. No. 1. P. 51–62.

²⁷ См.: *Goodin R.E.* What is So Special about Our Fellow Countrymen? // *Ethics*. 1988. Vol. 98. No. 4. P. 663–686.

²⁸ См.: *Cole P.* Philosophies of Exclusion. *Liberal Political Theory and Immigration*. Edinburgh, 2000.

²⁹ См.: *Higgins P.W.* *Immigration Justice*.

которое занимает важное место в работах почти всех авторов, отстаивающих право государства (политического сообщества) контролировать миграцию, 2) самый распространенный содержательный аргумент, когда такое право обосновывается опасностью миграции для национальной и политической культуры. Отдельного критического исследования, которое автор рассчитывает проделать в одной из следующих своих статей, заслуживает проведение сторонниками миграционного контроля нормативного разделения на «мы» и «они», служащее исходным пунктом для всех попыток вывести моральное обоснование миграционного контроля.

Указанные темы соответствуют 1) рассмотрению популярного метода, 2) возможного содержательного последствия, а также 3) базового основания едва ли не всех построений защитников миграционного контроля. Другими словами, это «каким образом», «зачем» и «на основании чего» тех, кто считает морально оправданным государственным институтам на свое усмотрение ограничивать свободу передвижения людей между странами. Предложенное ниже рассмотрение ограничивается критикой попыток морально оправдать суверенное право государства на миграционный контроль и демонстрацией моральной ценности открытых границ. Эти рамки заданы не только в силу взглядов автора, но и по причине того, что именно ограничение свободы и введение институтов принуждения, а не утверждение права каждого на свободу передвижения, требуют убедительного обоснования со стороны этической мысли, если таковое в принципе возможно.

Использование аналогий

Уже Уолцер прибегает к аналогиям с целью подкрепить свою исходную теоретическую позицию, заключающейся в отстаивании суверенного с некоторыми ограничениями права государства отказывать мигрантам во въезде или пребывании на своей территории. В книге «Сферы справедливости» он пишет, что «мы можем представить государства как клубы с суверенной властью над процессом выбора своих членов»³⁰. Он же проводит аналогии между государством и семьей, государством и своим районом (neighborhood). Признавая ограниченность каждой из аналогий, Уолцер отмечает большое значение для развития своих взглядов первых двух (государство похоже на клуб и государство похоже на семью). На основе аналогий он не только делает практические выводы, но и вводит особую терминологию. Например, Уолцер пишет, что ему представляется морально оправданным, когда государства формируют особую благоприятную миграционную политику по отношению к «национальным или этническим родственникам». Руководство такой политики осуществляется на основании того, что Уолцер называет «родственным принципом»³¹. При этом он не приводит убедительные аргументы, которые позволили бы отделить «родственный принцип» от «дискриминирующего принципа».

Широко используют аналогии и другие защитники миграционного контроля. Например, Кристофер Уэллман (Christopher Wellman), написавший кроме прочего статью «Иммиграция» для Стэнфордской философской энциклопе-

³⁰ Walzer M. Spheres of Justice. P. 41.

³¹ Ibid.

дии, в своей защите суверенного права государства на миграционный контроль прибегает к аналогиям государства (политического сообщества) с гольф клубом, семейными отношениями и бизнес компанией³².

Аргументацию в защиту права государства на суверенный миграционный контроль, выстраиваемую на аналогиях, можно изобразить с помощью силлогизма: 1) Национальные государства (политические сообщества) в своем праве на контроль членства уподобляются семье, клубу, бизнес компании, владельцу дома; 2) Принимается как очевидное, что морально оправданно членам семьи, клуба, бизнес компании, владельцу дома по своему усмотрению предоставлять или нет членство, пускать или нет «чужих»; 3) Отсюда сторонниками миграционного контроля делается вывод, что для национального государства морально оправданно по своему усмотрению допускать или не допускать иностранцев на свою территорию, предоставлять им или нет легальный статус³³. В распространенной за пределами академической дискуссии версии этот силлогизм-аналогия принимает форму, где государство уподобляется квартире или дому, а мигрант без легального статуса – незнакомцу, который врывается в дом или оказался по приглашению, но отказывается уходить.

Подобные аналогии и лежащий в их основе силлогизм страдают целым рядом недостатков, искажают предмет дискуссии и не могут считаться обоснованными аргументами в пользу миграционного контроля. Например, если рассматривать приведенную аналогию с домом, то против нее можно выдвинуть следующие замечания:

1) государство не является ни частным владением, ни частной территорией, а общественным пространством, которое принадлежит не одному собственнику, а используется многими людьми с разными взглядами и интересами. Часть из тех, кто использует это пространство – трудовые мигранты и беженцы, еще часть – зарубежные туристы. Наконец, часть – граждане, которые вовсе не против или даже хотят приезда новых мигрантов³⁴;

2) далеко не все мигранты это незнакомцы для граждан принимающего государства. Наоборот, очень часто у них уже есть или появляются во время пребывания знакомые, друзья, близкие люди среди граждан. И, наоборот, далеко не все сограждане – знакомые люди;

3) само по себе так называемое «нелегальное пребывание» или «нелегальное проникновение» на территорию государства не включает никакого насилия по отношению к частной собственности и тем более личности. Объектом насилия, наоборот, часто становятся мигранты без документов, порой эксплуатируемые недобросовестными работодателями вплоть до случаев кровенного рабства;

4) хотя правонарушения могут совершаться чаще (что, конечно, совсем не обязательно), представителями некоторых групп мигрантов, чем в среднем по стране, но это верно и для определенных групп граждан такой страны. Будет ли морально оправданным не пускать, например, бедных и необразованных сограждан в большие города и переселить их в изолированные анклав, а то и

³² См.: *Wellman H.C., Cole P. Debating the Ethics of Immigration.*

³³ Представленный силлогизм представляет собой вариацию на тему, заданную Коулом, см.: *Cole P. Philosophies of Exclusion. Liberal Political Theory and Immigration.* P. 68.

³⁴ Развитие этого аргумента см.: *Hudson J.L. The Ethics of Immigration Restriction // Social Theory and Practice.* 1984. Vol. 10. No. 2. P. 214.

выслать в другую, согласившуюся их принять, страну на основании того, что среди них в среднем больше потенциальных правонарушителей, чем в среднем по стране? Очевидно, что – нет. Почему же такая практика иногда защищается в отношении мигрантов (тем более, что угроза совершения представителями этой группы большего, чем в среднем по стране, количества правонарушений часто надумана и не имеет никаких оснований)? Вероятно, что единственное различие для защитников таких мер состоит в том, что делается различие между «наши правонарушители» и «их правонарушители». Как уже указывалось выше, разделение на «мы» и «они» в свете рассматриваемой темы заслуживает отдельного критического исследования, но и здесь уже очевидна сомнительность попыток оправдать жесткие миграционные меры через произвольное и дискриминационное деление на основании гражданства.

Аналогия государства (политического сообщества) с клубом по интересам, будучи одной из самых популярных в академической литературе, также страдает рядом недостатков и убедительна лишь на первый взгляд. Здесь опять не учитывается тот факт, что клуб – это добровольная ассоциация или сообщество, а государство – принудительная общественная организация³⁵. Членство в клубе *свободно* избирается в зависимости от интересов и убеждений. Никто, не нарушая основных прав и свобод человека, не может заставить быть членом того или иного клуба, а также запретить создать свой собственный. Наряду с этим люди рождаются гражданами той или иной страны и часто не имеют возможности сменить гражданство. Попытки провозгласить собственное государственное образование внутри существующего обычно признается одним из самых тяжелых уголовных преступлений. Плюс, как неоднократно отмечалось и о чем пишет, например, Джонатан Сиглоу (Jonathan Seglow): «Такие аналогии должны использоваться с крайней осторожностью, так как граждане, исключенные из частного клуба, сохраняют доступ к основным благам в общественной сфере»³⁶. Другими словами, в клубе можно и не состоять вовсе, что обычно мало или вовсе не влияет на доступ к базовым жизненным благам и возможностям. Напротив, лица без гражданства – одна из самых уязвимых групп, а гражданство той или иной страны часто принципиально меняет уровень благосостояния и жизненных возможностей его обладателей.

Кроме того, согласно Коулу, при аналогиях с клубом заведомо предполагается лишь та форма его организации, в которой вопросы по приему или исключению принимают только действующие члены политического сообщества. При этом, как отмечает исследователь, игнорируется, что членство может определяться также через 1) решение кандидатов в члены, 2) переговоры между кандидатами и членами, 3) голосование на смешанной основе части или всех членов и части или всех кандидатов³⁷.

Аналогия государства (политического сообщества) с семьей имеет несколько вариаций. Самые распространенные из них принадлежат к двум разновидностям: 1) сравнение с отношениями между родителями и детьми, 2) сравнение с образованием новой семьи (выбором супруга или супруги). Например,

³⁵ См., например: *Carens J.H. Aliens and Citizens: The Case for Open Borders // The Review of Politics. 1987. Vol. 49. No. 2. P. 267.*

³⁶ *Seglow J. Immigration Justice and Borders: towards a Global Agreement // Contemporary Politics. 2006. Vol. 12. No. 3–4. P. 237.*

³⁷ См.: *Cole P. Philosophies of Exclusion. Liberal Political Theory and Immigration. P. 72.*

Уэллман утверждает, что нет ничего морально предосудительного в том, что родители тратят деньги на учебу в престижном университете для своего ребенка, а не помогают в получении базового образования для нуждающегося незнакомого ребенка из детского дома. Наподобие этого, считает Уэллман, помощь нуждающимся мигрантам также лежит вне зоны строгих моральных обязательств³⁸. Вторая разновидность представляет собой аналогию между отсутствием права на иммиграцию при наличии такого на эмиграцию и отсутствием права выйти замуж или жениться без согласия второй стороны при наличии в целом права выходить замуж или жениться³⁹.

В указанных аналогиях опять одни качественно разные характеристики уподобляются, а сравнение по другим характеристикам, которые являются наиболее существенными, упускается. Так, *во-первых*, семья обычно предполагает близкое биологическое и мировоззренческое родство, проецируемое на крупные политические образования – это опасный и мощный источник расизма и шовинизма. *Во-вторых*, едва ли возможно признать членом семьи человека, которого осуществляющий такое признание не знает и не видел, а если и видел, то мельком. Именно знакомство и/или кровное родство являются существенными признаками семьи. *В-третьих*, в первой разновидности аналогии, когда проводится параллель с действующими членами семьи, происходит апелляция к установившимся практикам. Сама по себе апелляция к таким практикам не доказывает их моральную обоснованность. Кроме того, очень часто заботливое отношение родителей к детям вовсе не напоминает обычное отношение граждан к своим согражданам. Многие граждане индифферентны к своим нуждающимся согражданам, другие проявляют интерес, но к более узким группам, есть и такие, которые притесняют или стремятся притеснить своих сограждан. Более того, часть граждан имеют реальных, а не по аналогии, родственников среди мигрантов, к которым испытывают гораздо более глубокие чувства, чем к большинству, если не ко всем согражданам. *В-четвертых*, ко второй разновидности аналогии относится критика, прозвучавшая в отношении аналогии-клуба, так как обычно неженатый человек не лишается никаких базовых прав. И, опять же, человек, не рассматривая некоторые страны и примеры-исключения, выходит замуж или женится по своему выбору в совершеннолетнем возрасте, тогда как страну гражданства человек обычно не выбирает, а отсутствие гражданства представляет огромную проблему.

Не более удачны и аналогии с соседством и бизнес компанией, которые также уязвимы для основных пунктов обозначенной критики и несут в себе дополнительные дефекты⁴⁰.

Заканчивая краткий обзор использования аналогий, важно отметить, что помимо обозначенных недостатков в них к тому же упускается принципиальный для рассматриваемой темы момент. Ни семья, ни отдельный район, ни клуб, ни бизнес компания не обладают монополией на насилие – отличительной чертой государства. Монополия на насилие, как демонстрирует исследование Джона

³⁸ См.: Wellman H.C., Cole P. Debating the Ethics of Immigration. P. 36.

³⁹ См., например: Miller D. National Responsibility and Global Justice. Oxford, 2007. P. 209.

⁴⁰ См.: Hudson J.L. The Ethics of Immigration Restriction // Social Theory and Practice. 1984. Vol. 10. No. 2. P. 214–215.

Торпея (John Torrey), напрямую связана с монополией государства на передвижение. Стремление государства контролировать миграцию своих членов и карать отступников от своих правил ведет к таким практикам, как пограничные и уличные досмотры, визы, заграничные паспорта, депортации, регистрации по месту жительства или пребывания и т.п.⁴¹ Поэтому попытки найти моральное оправдание миграционному контролю дополнительно, хотя и не всегда открыто, включает в себя попытки найти моральное оправдание использования насилия⁴², возможность чего само по себе вызывает серьезное сомнение.

Аргумент сохранения национальной и политической культуры

Едва ли не все содержательные аргументы в исследовательской литературе против свободы передвижения людей между государствами носят конвенционалистский характер. Сторонники миграционного контроля прогнозируют, что открытие границ может повлечь резкое ухудшение благополучия граждан принимающей стороны, рост преступности, развал системы безопасности, возможные вспышки эпидемий, массовые беспорядки, разрушение демократических институтов, деградацию национальной культуры и т. п. Вероятность и фактическая обоснованность таких прогнозов в каждом конкретном случае и в целом широко дискутируются, не являются очевидными, и относятся к сфере рассмотрения таких научных дисциплин, как экономика, социология, криминология, социальная психология и т. д. Здесь следует подчеркнуть два момента, которые нужно учитывать именно при этическом подходе:

– идеал открытых границ не подразумевает внезапного и изолированного действия. Очевидно, что для перехода к открытым границам требуется целый ряд изменений от серьезных реформ международных институтов, практик и законодательств национальных государств до преобразований отношений людей между собой и господствующего мировоззрения. Подобные изменения не должны осуществляться с помощью насилия и невозможны без скоординированной работы целого комплекса институтов, а также специалистов самых разных научных дисциплин. Это значит, что подобные изменения приведут к постепенной и ненасильственной трансформации множества институтов и практик, включая взгляды отдельных людей. Как отмечает Питер Ниерс (Peter Nyers), новые виды гражданских поступков, которые все чаще находят свое выражение у обреченных до этого на молчание и игнорирование групп, к числу которых принадлежат мигранты без документов, «требуют переосмысления многих предположений, склонностей, предубеждений и очарований современной социальной и политической мысли: привилегированность порядка

⁴¹ См.: *Torrey J. The Invention of the Passport. Surveillance, Citizenship and the State. Cambr., 2000.*

⁴² На то, что связь с монополией государства на насилие не второстепенная характеристика, а сама суть миграционного контроля, неоднократно указывал Каренс, который начинает свою программную статью об открытых границах с замечания: «На границах располагаются охранники, а у охранников есть в распоряжении ружья» (*Carens J.H. Aliens and Citizens: The Case for Open Borders // The Review of Politics. 1987. Vol. 49. No. 2. P. 251*). Чандрен Кукатас (*Chandran Kukathas*) делает к этому важное добавление: «Охранники располагаются не только на границе и их ружья часто направлены вовнутрь» (*Kukathas C. On David Miller on – Immigration Control // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2017. Vol. 20, No. 6. P. 718*).

над изменением, действия (action) перед поступками (acts), продолжительного перед моментальным, определенного перед возможным, спланированного перед случайным и т. д.»⁴³. При этом консеквенциалистская критика открытых границ почти всегда меняет лишь одну переменную (закрытые или открытые границы), оставляя без изменений все остальные;

– взывая к страху Чужого, Иного, Другого, аргументация через апелляцию к якобы неизбежным катастрофическим последствиям открытых границ схожа с аналогиями о вторжении незнакомца в дом и обычно включает или полностью основывается на ксенофобии. Часто подобная аргументация сопровождается манипуляциями, с помощью которых распространяется представление, что миграция – проблема, а мигранты – опасные люди. В то же время эти утверждения не более разумны, чем мнение о том, что стоять лучше, чем ходить. История человечества – это во многом история миграций, а стремление мигрировать, со слов Кваме Энтони Аппиа (Kwame Anthony Appiah), «не менее “естественно”, чем стремление к оседлому образу жизни»⁴⁴. Устоявшееся представление, что формировать устойчивые национальные образования – нормально, а миграция требует специального обоснования, не имеет никакой очевидной нормативной основы.

Открытые границы – это выражение ориентации на утверждение ценности и уникальности любого человека вне зависимости от места рождения. Это признание ценности принадлежности к человечеству в целом. Это также осознание второстепенности, если не третьестепенности принадлежности к тому или иному национальному государству. При этом открытые границы – это моральная цель, достижение которой не должно вестись с помощью насилия и в ущерб людям. Она представляет собой результат ненасильственной реализацию идеала общего мира, в котором царит дружелюбие, уважение к каждому человеку и свобода образовывать открытые сообщества и ассоциации.

Аргумент, что открытие границ приведет к стремительной деградации национальной и политической культуры, один из самых популярных среди защитников миграционного контроля. В то же время даже у отстаивающих этот аргумент исследователей отсутствует единое мнение о том, что такое нация и национальное, что такое политика и политическое, что такое, наконец, культура. Попытки определения этих понятий вызывали и вызывают дискуссии порой весьма ожесточенные. Не лучше дело обстоит в случае обращения к конкретным примерам. Если говорить о российском опыте, то, например, для кого-то может быть то, что называют «советской культурой» – особая и уникальная культура, для кого-то – часть русской или российской культуры, а для кого-то, наоборот, это не культура, а антикультура, деградация русской или российской культуры. Помимо отсутствия консенсуса и высокого уровня опасности возникновения конфликтов при попытках дать однозначные определения понятиям «нация», «политика» и «культура», а тем более при оценке тех или иных конкретных сообществ и политических образований, утверждение об опасности открытых границ для национальной и политической культуры может быть оспорено еще с нескольких сторон:

⁴³ Nyers P. No One is Illegal Between City and Nation // Studies in Social Justice. 2010. Vol. 4. No. 2. P. 130.

⁴⁴ Appiah K.A. Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers. London, 2006. P. xvi.

1) с эмпирической – подобная опасность либо не существуют, либо обычно преувеличивается;

2) с ценностной – а) сомнительность большого значения сохранения национальной и политической культуры по сравнению со спасением или серьезным улучшением жизни мигрантов, б) сомнительность придания приоритета национальной и политической культуре отдельного государства перед культурой других сообществ и мировой культурой;

3) с концептуальной – национальная и политическая культура не нуждается в подобной защите, так как она не имеет строгой привязанности к государственным границам, что доказывает существование культур без четко выраженной территориальной принадлежности;

4) с консеквенциалистской – сохранение через аппарат государственного принуждения национальной и политической культуры ведет не к ее сохранению, а к ее деградации;

5) с консеквенциалистско-концептуальной – усиленная защита национальной и политической культуры с помощью государственных средств принуждения может вести к формированию тоталитарной репрессивной системы, подчиняющей себе культуру и политику, результатом чего становится внешняя изоляция и внутреннее преследование несогласных и меньшинств.

Следует также добавить возражение, сформулированное Коулом против политического реализма, но имеющее отношение к любой критике открытых границ, основывающейся на апелляции к необходимости сохранения национальной культуры и политической системы. Коул исходит из того, что устанавливающая суверенный контроль политическая система, если даже действует по отношению к своим гражданам либерально, то, осуществляя миграционный контроль, действует на границе в отношении неграждан, которым ограничивается въезд, нелиберально. Получается, что апелляция к защите гуманной национальной культуры и сохранению либеральной системы направлена к сохранению политической системы, которая с необходимостью включает нелиберальные элементы. Более того, Коул считает что «национальные идентичности и институты в большинстве своем сами являются абстрактными идеалами»⁴⁵. Другими словами, суть не в том, что защитники суверенного государства отвергают идеализм открытых границ во имя реализма национального государства, а в том, что идеал открытых границ отвергается ими во имя идеала закрытого, культурно и политически однородного сообщества.

Вышеперечисленные аргументы против открытых границ возникают в рамках взглядов и мировоззрений, в которых устанавливается область «мы», где со всей полнотой действует ответственность друг за друга и область «они», на которую «наша» ответственность либо не распространяется, либо распространяется, но в ограниченном порядке. Так, некоторые ученые при рассмотрении миграционных вопросов используют и не ставят под вопрос перспективу национального государства и его интересов, разрабатывая различные версии «национального эгоизма». В отличие от индивидуального эгоизма, ограничивающегося «я» (эго) от других с признанием ценностного приоритета «я», в «национальном эгоизме», который по аналогии можно было бы назвать «но-

⁴⁵ *Cole P. Philosophies of Exclusion. P. 174.*

сизмом»⁴⁶, происходит выделение некоего «мы», которое по признаку гражданства или национальности противопоставляется «они». Иными словами, разделение на «мы» (свои, сограждане, местные) и «они» (чужие, неграждане, приезжие) находится в основании, пожалуй, любой попытки найти и вывести моральное обоснование миграционного контроля. В то же время такое разделение вызывает очень серьезные вопросы относительно его моральной оправданности. И этой теме должна быть посвящена отдельная критическая работа.

Список литературы / References

- Appiah, K.A. *Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers*. London: Penguin Books, 2006. 196 pp.
- Bader, V. "The Ethics of Immigration", *Constellations*, 2005, Vol. 12, pp. 331–361.
- Bauböck, R. "Global Justice, Freedom of Movement and Democratic Citizenship", *European Journal of Sociology*, 2009, Vol. 50, No. 1, pp. 1–31.
- Benhabib, S. *The Rights of Others. Aliens, Residents, and Citizens*. Oxford: Oxford UP, 2004. 251 pp.
- Brown, G.P., Shue, H. (eds.). *Boundaries: National Autonomy and Its Limits*. New Jersey: Rowman and Littlefield, 1981. 234 pp.
- Carens, J.H. "Aliens and Citizens: The Case for Open Borders", *The Review of Politics*, 1987, Vol. 49, No. 2, pp. 251–273.
- Carens, J.H. *The Ethics of Immigration*. Oxford: Oxford UP, 2013. 364 pp.
- Cole, P. *Philosophies of Exclusion. Liberal Political Theory and Immigration*. Edinburgh: Edinburgh UP, 2000. 226 pp.
- Dummett, M. *On Immigration and Refugees*. London: Routledge, 2001. 160 pp.
- Gibney, M.J. *The Ethics and Politics of Asylum. Liberal Democracy and the Response to Refugees*. Oxford: Oxford UP, 2004. 287 pp.
- Goodin, R.E. "What is So Special about Our Fellow Countrymen?", *Ethics*, 1988, Vol. 98, No. 4, pp. 663–686.
- Higgins, P.W. *Immigration Justice*. Edinburgh: Edinburgh UP, 2013. 272 pp.
- Hudson, J.L. "The Ethics of Immigration Restriction", *Social Theory and Practice*, 1984, Vol. 10, No. 2, pp. 201–239.
- Hudson, J.L. "Philosophy of Immigration", *The Journal of Libertarian Studies*, 1986, Vol. 8, No. 1, pp. 51–62.
- Isbister, J. "Are Immigration Controls Ethical?", *Social Justice*, 1996, Vol. 23, No. 3(65), pp. 54–67.
- King, T. "Immigration from Developing Countries: Some Philosophical Issues", *Ethics*, 1983, Vol. 93, No. 3, pp. 525–536.
- Kukathas, C. "On David Miller on – Immigration Control", *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 2017, Vol. 20, No. 6, pp. 712–718.
- McAdam, J. "Intellectual History of Freedom of Movement in International Law: The Right to Leave as a Personal Liberty", *Melbourne Journal of International Law*, 2011, Vol. 12, pp. 27–56.
- Miller, D. "The Ethical Significance of Nationality", *Ethics*, 1988, Vol. 98, No. 4, pp. 647–662.
- Miller, D. *On Nationality*. Oxford: Oxford UP, 1995. 210 pp.
- Miller, D. *National Responsibility and Global Justice*. Oxford: Oxford UP, 2007. 298 pp.

⁴⁶ От лат. nos – мы, нас. «Носизм» – термин, который используется в лингвистике для обозначения манеры обращения во множественном числе от отдельного индивида.

- Nyers, P. "No One is Illegal Between City and Nation", *Studies in Social Justice*, 2010, Vol. 4, No. 2, pp. 127–143.
- O'Neill, W.R, Spohn, W.C. "Rights of Passage: The Ethics of Immigration and Refugee Policy", *Theological Studies*, 1998, Vol. 59, No. 1, pp. 84–106.
- Pevnick, R. "Social Trust and the Ethics of Immigration Policy", *The Journal of Political Philosophy*, 2009, Vol. 17, No. 2, pp. 146–167.
- Pevnick, R. *Immigration and the Constraints of Justice. Between Open Borders and Absolute Sovereignty*. Cambridge: Cambridge UP, 2011. 199 pp.
- Seglow, J. "The Ethics of Immigration", *Political Studies Review*, 2005, Vol. 3, pp. 317–334.
- Seglow, J. "Immigration Justice and Borders: towards a Global Agreement", *Contemporary Politics*, 2006, Vol. 12, No. 3–4, pp. 233–246.
- Schuck, P.H. "The Morality of Immigration Policy", *San Diego Law Review*, 2008, Vol. 45, No. 4, pp. 865–898.
- Shaknovе, A.E. "Who Is a Refugee?", *Ethics*, 1985, Vol. 95, No. 2, pp. 274–284.
- Tamir, Y. *Liberal Nationalism*. New Jersey: Princeton UP, 1993. 194 pp.
- Torpey, J. *The Invention of the Passport. Surveillance, Citizenship and the State*. Cambridge: Cambridge UP, 2000. 211 pp.
- Walzer, M. *Spheres of Justice*. New York: Basic Books Inc, 1983. 345 pp.
- Wellman, H.C., Cole, P. *Debating the Ethics of Immigration. Is there a Right to exclude?* Oxford: Oxford UP, 2011. 240 pp.
- Wilcox, S. "The Open Borders Debate on Immigration", *Philosophy Compass*, 2009, Vol. 4, No. 5, pp. 813–821.

In Search of the Ethics of Migration. The Discussion about Borders: Major Perspectives and Arguments

Konstantin E. Troitskiy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: konstant@inbox.ru

The search of ethical principles for migration policy is on the agenda in many countries. There are heated discussions at both the international and national level regarding the nature and consequence of migration flows, the boundaries of responsibility, and the criteria used to determine who should and should not be allowed to enter the country. Usually such discussions are framed in terms of protecting moral values and are heavily saturated with terminology of ethics. Alongside the public sphere, interest in the topic is growing rapidly across a range of academic disciplines, from anthropology and psychology to sociology and economics. A broader range of issues are considered by philosophers, drawing above all on theories of ethics. Unfortunately, this topic is totally absent from Russian-language academic literature. This article seeks to compensate for this absence; the author provides an introduction to the ethical debates typically associated with migration. The focus is on the discussion in the academic literature as to whether or not the state has a moral right to exercise sovereign and discretionary control over immigration.

Keywords: ethics, cosmopolitanism, migration control, open borders, the ethics of immigration, migration policy, refugees